

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.И. Заславская

Накануне юбилея Татьяны Ивановны Заславской с ней побеседовала доктор социологических наук О.Э. Бессонова.

В какой точке исторической траектории находится современное российское общество и каковы с этих позиций задачи экономической социологии?

Сейчас уже стало более-менее ясно. Раньше была такая кутерьма, что было трудно в ней разобраться. Но сейчас, мне кажется, стало ясно, что Россия выходит (или находится на выходе) из очень глубокого, очень сложного и многостороннего процесса трансформации, который охватил буквально все стороны жизни общества начиная с его экономических основ и кончая демографией, культурой и т.д. Сейчас мы наблюдаем выход из этого процесса на какой-то новый «берег».

Общее направление совершившейся трансформации, как мне кажется, сомнения не вызывает. Это, если не выражаться какими-то специальными терминами, все-таки движение в сторону освобождения человека – освобождения от навязанных ему чрезмерно жестких правил, как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения социальных групп, институтов, фирм. Процесс идет в сторону большего освобождения. Но само собой разумеется, что в жизни, во всех ее аспектах, к чему ни приложи этот принцип, всегда существует какой-то оптимальный уровень свободы, с одной стороны, и порядка, т.е. какого-то управляющего воздействия, какого-то внешнего регулирования, с другой стороны. Вопрос заключается в том, оптимальна ли та степень, в которой общество оказалось раскрепощенным.

В процессе этого перехода возник, конечно, большой перегиб. Но я думаю, что без этого перегиба обойтись было практически невозможно, потому что никто из людей на уровне своего человеческого разума не мог эффективно управлять этим процессом и следить за тем, чтобы мера была

оптимальной, и саму эту трансформацию сделать плановым, планомерным процессом. На это, по-моему, не хватает человеческого разума. Пока, по крайней мере. Может быть, потом человек будет вооружен в большей степени всякими информационными программами, но сейчас этого нет. Поэтому масса вещей была не учтена.

В частности, я считаю, в случившемся есть и наша какая-то вина. Вина социологов и моя личная, если можно в таких случаях говорить о вине. Она в том, что ни я сама, ни, как мне кажется, многие либералы, включая первое либеральное правительство, не осознавали потенциальной мощи сжатой советской системой и ждавшей возможности вырваться негативной человеческой энергии. То есть мы предполагали, что достаточно освободить людей и дать им возможность свободно работать, зарабатывать – и они тут же бросятся к машинам, начнут производить полезную продукцию, тут же начнут активно торговать, и как на дрожжах пойдет развиваться наша страна. А то, что люди бросятся расхищать и всякими дикими способами эксплуатировать национальную собственность, – об этом, как мне кажется, мало очень думали. Я боюсь сказать, что совсем не думали, потому что за всех не отвечаю.

А между тем было достаточно очевидно, что это должно было произойти. Поэтому, если рассуждать задним числом, надо было проверить все самые опасные пункты и ситуации, проверить, что может случиться. В течение пяти лет разрабатывать план – и делать все постепенно-постепенно. А М.С. Горбачева, который три года пытался создать условия для будущей трансформации, как только не ругали, что он ничего не делает: уже прошло три года перестройки, а он ничего не сделал! В этом просто проявился какой-то рок.

Сейчас все цифры однозначно говорят о том, что подъем экономики идет. Известно, что это происходит полностью за счет нефтяных долларов. Но поскольку все-таки идет развитие производственных мощностей, значит, экономика поднимается. И после всех провалов 90-х годов это относительно благоприятный период.

По-прежнему идет борьба, как она и была всегда. Есть силы, которые работают в сторону большего освобождения, есть силы, которые давным-давно предлагали «подзаморозить» демократию. Пока как раз и идет ее «подзамораживание», но, с другой стороны, все-таки уже как-то ощущается определенное сопротивление общества, которое в советское время было просто невозможно, его тогда не существовало. Сейчас все-таки оно уже есть. Это подтверждают «марши несогласных», обманутые вкладчики (пайщики), которые тоже выходят на улицу, и целый ряд других призна-

ков. Власть уже начала ощущать, что существует общество, а не просто какая-то безмолвная масса «теста», которую как хочешь, так и меси, из которой какие хочешь изделия изговляй. Нет, люди все-таки в этом плане изменились, стали более самостоятельными социальными акторами.

Поэтому в перспективе, скорее всего, будет найдена какая-то середина между стремлением власти к полной управляемости общества и желанием общества по-своему оценивать ход развития и говорить о нем свое слово. Вот так я охарактеризовала бы эту историческую точку.

Что касается экономической социологии, то мне кажется, что вряд ли нужно привязывать ее задачи к конкретному историческому моменту. Просто эта наука развита у нас недостаточно, – хотя сказать, что какая-то наука развита достаточно, в принципе невозможно. Ведь особенность науки в том и состоит, что она всегда идет вперед. Она, конечно, обязана развиваться. Главная же задача экономической социологии в самом широком смысле заключается в том, чтобы социологическими методами изучать экономические процессы и явления. Этим она и занимается.

Но если говорить более конкретно, то можно условно выделить экономическую анатомию и экономическую физиологию: как устроена экономическая сфера общества и как она функционирует. То же самое относится и к социологии. Если мы применим это к социологии, то к анатомии будет относиться социальная структура в ее сегодняшнем состоянии, максимум – социальная структура в динамике, ее изменения за какой-то период времени. Но наибольший интерес, наибольшую важность, как мне кажется, представляют процессы изменения и развития, закономерности, которые лежат в их основе. И по аналогии с организмом это можно назвать социальной физиологией.

При таком подходе на первое место выходят социальные механизмы протекающих в обществе процессов. По существу, **социальный механизм процесса** – это не что иное, как объяснительная теоретическая модель того, почему, как и под влиянием каких сил протекает процесс. Прежде всего, конечно, социальных сил, хотя некоторые процессы зависят и от природных условий, например от истощения нефтяных скважин и т.п., но в большинстве случаев они имеют социальную природу. Каждое общество представляет собой громадную сложнейшую систему, интегрирующую великое множество структур. Причем каждый «атом» этой системы – индивид участвует как минимум в нескольких структурах. Поэтому социальных процессов разного уровня, а значит, и их механизмов, можно насчитать десятки, сотни и тысячи. К тому же у них есть еще и «матрёшечное» свойство. Допустим, мы говорим о крупном механизме, например о механизме

развития общества или механизме изменения социальной структуры. Потом оказывается, что сам-то этот механизм работает на базе нескольких более частных механизмов. И каждый из этих частных механизмов включает еще несколько, так что в конечном счете получается многоярусная структура. Соответственно социологические исследования могут быть совершенно разного уровня, разного замаха: от изучения совершенно конкретных условий, допустим миграционных процессов в Академгородке и его окрестностях (здесь тоже есть свои механизмы, факторы – привлекающие, отталкивающие, закрепляющие и т.д.), и вплоть до изучения механизма функционирования общества в целом. Поэтому внимание к внутренним механизмам процессов – это довольно общее требование (или интерес – ведь изучается то, что наиболее интересно), хотя, конечно, не все проблемы можно изучать с этой точки зрения.

Что значит раскрыть механизм какого-то процесса? Это значит просто существенно расширить знания о том, как устроено общество. И это главная задача общественной науки – выяснить, как все-таки устроено общество в целом и в своих отдельных частях, как происходят отдельные процессы. Тогда, наверное, и управлением легче будет заниматься. Если ты этого не знаешь, то, конечно, очень трудно управлять.

В 60–70-х годах часто приводился такой пример. Был очень большой отток населения с Севера, тяжело было людям там жить. Хотя были надбавки и льготы, многие люди уезжали. Но их же надо было там как-то закрепить. Правительство в те времена было щедрое, и оно резко увеличило северные надбавки, чтобы люди оставались. А они начали уезжать еще быстрее. Этого совсем никто не ожидал. Когда стали проводить опросы, то выяснилось, что на Север большинство людей ехали с целью накопить определенную сумму денег – на покупку дома, коровы, машины. Теперь они быстрее смогли накапливать – и быстрее поехали с Севера. Вот это механизм: если ты не понимаешь, как он устроен, то попадаешь в прямо противоположную ситуацию. Пожалуй, это и все, что я хотела сказать про экономическую социологию.

Какие наиболее яркие воспоминания сохранились у вас о работе в новосибирском Академгородке?

Вот как раз ярких впечатлений очень много. Говоря о том времени, я прежде всего не могу не сказать просто об Академгородке 60-х годов как о социальном явлении. Явление это было *чуждом*. Академгородок не должен был возникнуть и существовать в советском обществе. Но он возник и су-

ществовал. И большинство людей, которые приезжали сюда даже не навсегда, а просто посмотреть, в гости, были ошеломлены. Я не буду говорить о прекрасной природе, хотя она огромную роль играла в нашей жизни, потому что жить, когда у тебя непосредственно из окон виден лес и тропинка от дома в университет идет через этот лес, – это, конечно, особый образ жизни.

Но главное, это был остров свободы с самого начала. Это великая заслуга академика М.А. Лаврентьева. Вчера в Большом зале Дома ученых я смотрела фильм про историю городка и с благодарностью вглядывалась в лицо этого во всех смыслах огромного человека, который все держал на себе, потому что попытки подчинить Академгородок, конечно, были со стороны обкома КПСС. Лаврентьев был своего рода гарантом идеологической свободы Академгородка, хотя давалась ему эта роль, конечно же, нелегко. Достаточно вспомнить фестиваль бардовской песни в марте 1968 г., когда после выступления Галича с целой серией песен, развенчивающих советский режим, весь зал кинотеатра «Москва» встал и несколько минут аплодировал. Михаил Алексеевич и другие руководители СО АН не могли не присоединиться к залу, а ведь это было страшным идеологическим проступком. Мы жили на острове свободы, омываемом волнами несвободы.

И одновременно это был город молодости, точнее, молодой интеллигенции. Я была в числе самых старших – мне было аж 36 лет. Абели Аганбегяну – тридцать два, Саше Гранбергу – где-то двадцать семь... И были великие надежды! Я приехала в Академгородок в 1963 г. Это знаменитые годы «шестидесятников», и до ввода советских войск в Чехословакию оставалось еще пять лет. Это время было для нас очень свободным. Были крупные научные мечты. Была мечта построить «настоящую» экономическую науку, а не такую, какой она была в те времена – на ногах не стояла, падала при первом же серьезном вопросе. Это было необыкновенно радостное для нас всех и счастливое время, хотя и связанное с борьбой разных научных групп, но в конечном счете очень удачное.

А.Г. Аганбегян стал директором ИЭиОПП СО АН в 1967 г. Прежде этот пост занимал Г.А. Пруденский, и он был обычным советским директором. Но у Аганбегяна с самого начала были большие, «наполеоновские» планы, он был очень смелым, широко мыслящим. Помимо прочего, к нему очень хорошо относился М.А. Лаврентьев, который связывал перспективы становления экономической науки прежде всего с развитием экономико-математического направления. Поэтому Абель имел возможность проводить такую активную инновационную политику, и в частности, «вытаскивать» или «выталкивать» ведущих сотрудников института в заграничные командировки, на Запад. Для этого использовалась всякая возможность, любое приглаше-

ние, приходившее в институт, – обязательно посылался тот или иной человек. Абел был убежден, что толковому ученому достаточно один раз выехать за границу, как на него посыплется новые приглашения. И так оно и было. На самом деле он один раз «выталкивал», а потом эти приглашения действительно сыпались, потому что к советским экономистам и социологам за рубежом был огромный интерес. Ведь СССР играл такую огромную роль в общемировом развитии и вместе с тем был совершенно закрытой страной. Поэтому когда в Польше, Венгрии, не говоря уже о капиталистических странах, вдруг появлялись русские социологи, это было что-то невиданное, подлинная сенсация. И устанавливались прочные связи.

Помню, когда я приезжала уже из Академгородка в московский Институт экономики, меня спрашивали: «Надолго приехала?» – «Да нет, завтра улетаю в Венгрию». Другой раз – в Польшу, в Чехословакию, а то и во Францию. И мои бывшие коллеги просто разводили руками: «Что вы там в Сибири вообще делаете?! Мы годами работаем и никуда не ездим. И как вам только это удастся?». Да ведь я и сама больше 12 лет проработала в ИЭ АН СССР и за границу – только по туристическим путевкам. Между тем выезд за пределы своей страны сразу существенно расширял картину и мира, и науки об обществе, возникал обмен информацией, идеями, интенсифицировалась научная мысль.

Еще одна инновация Аганбегяна была связана не просто с поощрением изучения английского языка, а можно сказать, с почти насильственным обучением ему сотрудников. Ну, положим, не столько насильственным – ведь насильственно это не сделаешь, – сколько со всемерной помощью и за счет института. Нужно было всерьез выходить на международный уровень, а без языка это сделать было нельзя, значит, нужно было его учить. Самых передовых преподавателей он привлекал к нашему обучению (прежде всего к обучению заведующих отделами).

Аналогичная работа проводилась и в некоторых других институтах СО АН. Помнится, где-то ближе к 1970 г. было организовано «англизычное» путешествие на теплоход по маршруту Новосибирск – Сургут – Новосибирск. Преподаватели английского языка вели интенсивные курсы занятий для групп с разным уровнем знания языка. Пассажирам разрешалось говорить только по-английски. Но народ мы оппортунистический, поэтому разговаривали больше по-русски. Например, я жила в одной каюте со своей подругой Инной Рывкиной, и с чего бы мы стали разговаривать по-английски?! Тем более, что находились в группах разного уровня. Но сам этот замысел был очень хорош.

А еще использовался метод «глубокого погружения» в язык. Двух-трех ученых, согласных и имеющих возможность на пять-семь дней прервать контакты с внешним миром, поселяли на это время в гостиницу «Золотая долина». Я согласилась на пять дней, больше не могла – дети, семья. И в течение всего этого срока на самом деле круглосуточно был только английский язык. Даже ночью по магнитофону шли английские записи, разговоры, песни. С расчетом на подсознание. Утром просыпаешься – слушаешь по магнитофону новости. Завтракаешь с преподавателем и другим «погруженным» коллегой – разговариваешь по-английски. Потом грамматика, потом урок произношения, потом фильм по-английски, чтение книги или журнала и т.д. За пять дней, если было уже, конечно, какое-то знание языка, достигался громадный эффект. Мы «погружались» с Е.Д. Малининым, заведующим одним из секторов моего отдела. Так у нас еще было время, когда мы обязаны были общаться и рассказывать друг другу о своей жизни, исследованиях и обо всем другом. В этом плане было очень интересно и даже весело жить.

К этому добавить можно вот еще что. В 1967 г. я впервые получила в руководство довольно большой отдел социальных проблем труда и трудовых ресурсов – что-то в этом роде. Около половины сотрудников составляли «чистые экономисты», а другую половину – те, кто считали себя социологами, хотя по образованию были тоже экономистами. Я была где-то посередине. Так вот, дирекция нам разрешила всем отделом съездить в Польшу в качестве специализированной туристической группы. Нас тогда было около 30 человек, и институт взял на себя оплату половины стоимости путевок. Такой заказ был сделан институтом, мы сформировали группу, в которую вошли практически все, кто, как говорится, на ногах стояли, и научные, и научно-вспомогательные сотрудники. Мы выехали в Польшу на 14 дней. В Варшаве и Кракове это была сенсация. Ведь *из России* приехали *социологи*, да еще целых 20 человек!

В Польше мы вели себя очень активно, добивались встреч с ведущими социологами. Нередко разбивались на группы по интересам, так что за один день у нас бывало иногда по три встречи: на кафедрах социологии в университетах, в институтах, на телевидении, в центрах изучения общественного мнения. Иногда нас даже возили на места исследования, чтобы показать, что они изучают. Все показывали. И конечно, почти каждый участник поездки установил какие-то личные связи с близкими по интересам учеными. К тому же мы привезли оттуда целые мешки книг, включая «Социологию для всех»

Яна Щепаньского, первый перевод которой сделала наша Дора Штирмер, а отредактировала и написала предисловие Инна Рывкина.

Знакомств было выше всякого уровня. И у всех поляков были широко раскрытые глаза, все хотели с нами встречаться. Только Зигмунд Бауман сперва не хотел с нами разговаривать, он был принципиальным «антисоветчиком» и не верил, что в СССР могут быть честные социологи. Мы с ним все-таки встретились, но он был такой угрюмый, закрытый и разговаривал через силу. Но в большинстве случаев преобладали «коллежанские», дружеские отношения.

Это если говорить о первых годах. А потом, конечно, очень сильные впечатления остались от экспедиций. Ведь как мы работали в Москве? Ездили в командировки. Была только одна большая экспедиция: мы выезжали в Кубань. И то работали тогда в основном с документами. В Сибири же самая невероятная экспедиция была связана с исследованием миграции сельского населения в 1967 г. Потому что мы проводили это обследование вместе с ЦСУ РСФСР, а у них была норма: опрашивать не меньше 2% населения. Применительно к сельскому населению Новосибирской области 2% составляли примерно 10 тыс. чел. Причем это было наше первое *социологическое* исследование! Точнее, не просто социологическое, а *социолого-статистическое*, поэтому мы и делали его вместе с ЦСУ.

Наше дело было заполнить анкету сельской семьи, внутри которой были разделы с вопросами к отдельным людям. В анкете было формально 108, а фактически около 200 вопросов. Выборка охватывала 34 сельсовета и 242 населенных пункта всех типов: крупные, малые, средние. Чтобы их объехать, организовали восемь отрядов, у каждого из которых была машина. Машины давала автотранспортная база Сибирского отделения, для которого экспедиции были чем-то само собой разумеющимся. Экспедиции организовывали и геологи, и биологи, и археологи. Поэтому проект социологической экспедиции никого не удивлял. Всего наши сотрудники опросили 5119 семей и 10582 человека. Я в тот раз не ездила. Была в Городке и решала проблемы, которые постоянно возникали у отрядов на местах, – и методологические, методические, и с партийными органами, и всякие-всякие-всякие. В общем, когда этот опрос закончился, я облегченно вздохнула.

Сколько эта экспедиция длилась – месяц?

Предполагалось, что месяц, машины нам давались на месяц, но мы не укладывались. Проблемы были с этими последними машинами, приходи-

лось их частично перегонять из одного отряда в другой за сотни километров. Это было очень трудно.

Затем – проблема собранных материалов. Это были мешки, мешки и мешки анкет. А обработка тогда велась машиносчетной станцией с помощью перфокарт. Значит, эти анкеты надо было заперфорировать, а потом что-то такое еще делать. Короче говоря, первые таблицы у нас появились в конце 1969 г., т.е. фактически обработкой мы занимались два года. Кошмар! Это сейчас представить трудно. Но с другой стороны, это был богатейший материал, который позволял ставить очень много вопросов и получать на них ответы.

Важно, что мы тогда решили ездить в подобные экспедиции каждые пять лет, хотя уже не в таком масштабе их проводить. Но все-таки еще три раза проводилось исследование на той же базе, что позволяло отслеживать динамику и т.д. Эти сельские экспедиции были, конечно, ярким впечатлением.

Наши первые исследования сибирской деревни были скорее «анатомическими» в том смысле, что мы хотели узнать, что вообще представляет собой село, кто и как в нем живет, какие у них проблемы. То есть это было простое познание, как, например, у географов, когда они изучают какие-то местности или тропические леса. Ставили просто познавательные задачи. Правда, перед нами всегда ставились какие-то задачи партийными органами. Считалось, что мы поможем приостановить миграцию из села. Но нас как ученых в действительности интересовало, какова эта миграция, каковы структура и соотношение встречных потоков «село – город» и «город – село», ведь никто не знал этого. Сальдо каким-то косвенным методом ЦСУ высчитывало, но на основе каких потоков оно складывалось, никто не знал. Предполагалось, что почти никто из уехавших не возвращается в деревню. Если число жителей сельской местности уменьшилось на 300 тысяч, то, значит, столько из нее и уехало. А на самом деле – ничего подобного! Совершенно другая ситуация. Если 100% уехали, то до 70% приехали, причем совсем не обязательно вернулись – многие впервые приехали из города, совершенно другие группы.

Никто этого толком не знал, поэтому мы просто открывали какие-то стороны действительности, давали о них новые знания. Но чем дальше, тем больше, конечно, вставляли управленческие проблемы, поскольку мы наталкивались на множество нерешенных проблем, о которых управленцы даже не знали и, тем более, не думали об их решении. Прежде всего, это было, конечно, сельское хозяйство. Какие бы деньги в него ни вкладыва-

лись, оно все равно двигалось черепашьями шагами. Но город ведь не может перекачивать в деревню огромные средства. Поэтому у нас сразу была исходная позиция: нужно, чтобы сельское хозяйство работало эффективно и его продукция соответственно оплачивалась государством, т.е. чтобы был эквивалентный обмен. Тогда будут развиваться и деревня, и город. Но не хотело сельское хозяйство развиваться. Никакие специальные меры не помогали, ничего не работало.

И тогда перед нами встал вопрос о том, как все это можно поднять. Мы пришли к выводу, что главная проблема заключена в хозяйственном механизме – в том, как формируются цены на продукцию, каковы отношения сельского хозяйства с отраслями промышленности, которые его обслуживают. В конечном счете сельский труд очень сильно недооплачивался, а в расчете на час труда личное подсобное хозяйство давало больше дохода. Поэтому, естественно, люди стремились там работать, а в колхозе или совхозе – в гораздо меньшей степени.

Сотрудник нашего отдела доктор экономических наук В.Д. Смирнов в течение нескольких лет занимался социально-экономическими экспериментами, направленными на укрепление материальной заинтересованности селян. Он добился блестящих результатов, его опыт обсуждался и Президиумом Верховного Совета СССР, и Советом министров. Потому что за три или четыре года он превратил колхоз из убыточного в высокоприбыльный (1,5 млн руб. прибыли). Председатель колхоза, а также руководители животноводства, земледелия, агрономы были всей душой за эксперимент. И они вот этой группой работали. Но Василий Дмитриевич почти не вылезал из этого колхоза, именно он делал все расчеты. А стоило ему «отпустить» колхоз на два-три месяца, как все разлаживалось и возвращалось на старую колею...

Тем не менее опыт Смирнова все-таки подтверждал огромное значение хозяйственного механизма. И мы начали к нему присматриваться. К началу 80-х годов у нас уже возникла большая дружба со вторым секретарем Алтайского крайкома партии В.Т. Мищенко, умнейшим, честнейшим и энергичным человеком. Удивительно, что на подобном посту мог работать такой человек. Правда, его знакомство с нашим отделом началось, если я не ошибаюсь, в то время, когда он был руководителем крупного цеха или даже тракторного завода в Рубцовске. Его завод стал базой исследований сектора Е.Г. Антосенкова, который занимался социологией промышленности. Они там массу вещей сделали. Антосенков там еще, в Рубцовске,

самого Мищенко наполовину превратил в социолога. А когда Мищенко стал вторым секретарем крайкома, он нас потянул в сельское хозяйство своего края, поскольку Алтай – край сельскохозяйственный.

Мищенко нам стал твердить: «Да бросьте вы свою Новосибирскую область, где на каждом шагу надо выпрашивать разрешение! Мы вам такие условия создадим, что мечтать только можно». Для первого знакомства он предложил нам организовать небольшую экспедицию по районам края, всего на одном «газике». Нас было трое: Василий Дмитриевич, Шапошников Саша и я. И Мищенко еще своего сына послал с нами. Сейчас он доктор экономических наук, профессор, а тогда – недавно институт закончил.

Объехали мы больше 20 сельских районов и везде вели долгие разговоры с партийными секретарями и другим районным начальством. В райкомах были те же аграрники, для них это все было близко. Набрались мы довольно много ума и попытались какую-то гипотезу проработать, определить, что можно было бы сделать для совершенствования хозмеханизма. На следующий год составили анкету для руководителей колхозов и совхозов. Мищенко опять создал нам самые благоприятные условия. На этот раз мы уже поехали большей кампанией: была Р.В. Рывкина и еще кто-то. Теперь у нас уже были встречи с руководителями хозяйств. Причем они не просто заполняли анкеты, а после этого шло обсуждение, и мы все это записывали. Это, конечно, тоже было яркое впечатление, потому что нам удалось накопить информацию о жизни целого края. И она как будто бы позволяла надеяться на то, что значительная часть этих руководителей поддержала бы переход на *хозяйственную самостоятельность*. Мы же не собирались превращать социалистическую экономику в рыночную, а только хотели значительно усилить рыночный элемент экономических отношений, сделать обмен более справедливым по отношению к селу, более эквивалентным. Чтобы люди получали зарплату по произведенной продукции и проч.

Затем, в 1980 г., наверное, была у нас и экспедиция в Прибалтику. Эта Прибалтика сильно наши мозги повернула. Мы поехали в республики с сельским хозяйством, которое при том же хозяйственном механизме, что действовал везде, не валилось набок, а по-настоящему процветало. Проехали три республики, в каждой из которых были по одной неделе. В каждой республике у нас были друзья, обретенные раньше. Они знали о нашем намерении, и хотя бы один местный ученый обязательно ездил с нами всю неделю, чтобы люди контактировали с нами открыто. Там мы тоже встречались

с очень разными людьми начиная с простых владельцев хуторов или руководителей хозяйств и кончая министрами.

Увидели поистине замечательное сельское хозяйство. Литва просто поражала – и состоянием полей, урожайностью, видом скота, и благолепием селений. Одно село, через которое мы проезжали, буквально поразило нас красотой, от которой глаз нельзя было оторвать! Скверы, газоны, клумбы, роскошные одиночные деревья, цветники, фонтаны. Ну не бывает просто такого – какой-то рай. Спросили: «Кто же всем этим занимается?» Отвечают: «У нас дизайнер по ландшафту». И дома были на том же уровне, просто замечательно... Но на наш вопрос: «Как же вам это удается?» – мы абсолютно ото всех слышали один ответ: «У нас другие люди». Мы спрашивали: «Ну в каком смысле “другие”, что это значит?» Одни отвечали: «У нас так не пьют». Другие говорили: «Мы при социализме живем только 35 лет, а вы – больше 60! Мы еще помним капитализм». Третьи: «Наши люди любят трудиться». Во всех трех республиках наши собеседники были убеждены, что корень наших проблем – в сложившемся за годы советской власти социальном типе человека.

Уезжали мы из Прибалтики какими-то огорошенными, можно сказать, прибитыми. Потому что если бы у них был какой-то другой хозмеханизм, то мы могли бы его перенять. Но у них был тот же самый хозмеханизм! А люди, включая министров, были другие. Это были очень небольшие республики. Мы встречались с председателем колхоза, у которого один брат – хуторянин, а другой – министр сельского хозяйства. Все они жили рядом, неподалеку друг от друга, часто виделись, поэтому не было такого разрыва, как у нас. Этот министр сельского хозяйства чувствовал, «изнутри знал», что происходит в сельском хозяйстве, он просто не смог бы глядеть людям в глаза, если бы работал как-то против них. А у нас попробуй к этому министру пробиться – никто не пробьется! И он просто не может знать все российское сельское хозяйство, – кто всю эту махину может знать?

Поэтому мы тогда очень серьезно призадумались и поняли, что простых путей нет, потому что люди ведь уже сформированы, и их, в общем-то, не переделаешь на какой-то другой лад. Прибалтика открыла нам глаза на то, что чисто институциональные реформы не могут работать, если не подходит «человеческий материал». Гораздо глубже мы поняли и прочувствовали роль человека в развитии общества, что и стимулировало разработку проекта по социальному механизму развития экономики. Возникла у меня эта идея, и сотрудники ее поддержали. К осени 1982 г. был

подготовлен исследовательский проект. В апреле 1983 г. состоялся научный семинар с обсуждением моего доклада, позже названного «Новосибирским манифестом». Об этом много говорилось и писалось. Вот это, конечно, были яркие впечатления.

Сейчас происходит смена поколений. Соответственно методологические рамки экономической социологии тоже сильно меняются в связи с изучением западных подходов, синтезом «всего и вся». Каково ваше представление на этот счет? Это другой виток развития новосибирской социологической школы? Или возникает что-то совсем другое в связи с тем, что изменились базовые основы и произошла кардинальная смена поколений? Ведь нынешние молодые ученые уже не слушали лекции «классиков» и основоположников школы и не учились у них, а знакомы с их трудами только по рассказам своих преподавателей.

Если мы говорим о научных школах, то сначала нужно определить это понятие. Я, правда, не готовилась к этому. Любое определение, которое ты даешь чему-то, вещь очень ответственная. Давайте подумаем, какие элементы включает *школа*. Прежде всего, она обязательно включает преемственность. Дальше, она включает какое-то ядро сильных лидеров, иначе она просто не могла бы возникнуть. Ведь для того чтобы школа возникла, обязательно должны быть учителя. Они откуда-то извне не берутся. Раз школа только что возникла, значит, появилась какая-то группа очень сильных ученых, которая выдвигает крупные идеи, прежде всего методологические, потому что если идеи носят предметный характер, то на них школы не создашь. А если идеи методологические, т.е. если ученые говорят не **что** надо исследовать, а **как**, и при этом находят отклик и у собственного поколения, и у следующих, то может возникнуть какая-то научная школа.

Я думаю, что школы, как и все существующее на Земле, рождаются и умирают. Они рождаются, развиваются, достигают какой-то взрослой ступени. Какие-то потенциальные школы ее не достигают, погибают на детской стадии. Само существование школы и ее поддержание как раз и предполагают передачу функций по поколениям: уходит одно поколение, вперед выходит другое и т.д. Естественно, поскольку жизнь развивается и все меняется, поскольку какие-то элементы методологии, лежавшей в основе исходной школы, тоже меняются, появляются всякие «нео» и т.д. Этого не может не быть. Но могут быть и такие изменения, которые означают рождение новой школы и тихую, мирную гибель старой. Только, в отличие от людей и другого живого, слово «гибель» в данном случае не совсем

подходит, лучше сказать «растворение школы». Она растворяется в других научных течениях. Могут остаться те же самые элементы, но они уже входят в какие-то другие конфигурации, представляют что-то другое. Это, мне кажется, естественное явление для развития научных школ.

Существует, допустим, весьма известная чикагская социологическая школа, уже отметившая свое столетие. Меня очень интересует, какие у них основания считаться сейчас особой научной школой. Только ли то, что в Чикаго был открыт первый социологический факультет? Или на протяжении ста с лишним лет представители этой школы сохраняют какие-то особенности методологии, не разделяемые другими американскими социологами? Я просто этого не знаю.

Все-таки больше научные школы различаются методологией, а не местоположением. Относительно новосибирской экономико-социологической школы я не могла бы сейчас сказать, существует ли она еще в каком-то виде или нет. Ответ зависит от использования категории «социальный механизм» применительно к исследуемым процессам. Не от формального, конечно, упоминания, а от сознательной нацеленности на изучение внутренних механизмов происходящих в обществе сдвигов. Может быть, новосибирская школа и существует, но чтобы подтвердить это, надо проанализировать массу текстов.

Но вот что интересно, я ведь встретила с этой идеей в Харькове! В апреле на социологической конференции в Харьковском университете, почетным профессором которого я избрана в 2005 г., мне совершенно неожиданно довелось – первый раз в жизни – выслушать доклад о моем собственном научном творчестве. Таким способом украинские социологи хотели отметить мой юбилей. И аспирантка, пишущая на эту тему диссертацию, рассказывала о моих исследованиях начиная с экономики колхозов. Конечно, был разговор и о новосибирской экономико-социологической школе, к которой харьковчане добровольно примкнули, потому что сами были той же «веры». Познакомившись с нашими работами, они сказали: «Ой, как хорошо, мы точно так же думаем!» И действительно довольно активно используют тот же круг понятий, не акцентируя географического положения школы.

Таким образом, можно говорить о влиянии новосибирской школы на других?

Ну почему о влиянии? Они просто себя причисляют к тому же научному направлению, что и мы. Если бы в названии школы не было слова «но-

восибирская», а называлась она как-то иначе, например «социомеханизменная», то они просто считали бы себя приверженцами этой школы.

Что еще сказать? Мне очень трудно судить, я слишком оторвана от этой школы, поэтому у меня нет определенного мнения. Мне кажется, что разные члены современного коллектива отдела в разной степени связаны с нашей исходной методологией.

Как вы оцениваете собственный научный путь? Что удалось, а что не удалось сделать из того, что хотелось бы? Может быть, у вас есть какая-то самооценка с точки зрения того, что хотелось сделать больше или меньше? Например, ожидания были в этом направлении, а получилось даже лучше, чем ожидалось?

Моя научная судьба сложилась очень счастливо. Во-первых, сразу же после перехода с физфака на экономический факультет я попала в руки прекрасных руководителей. Это и Виктор Николаевич Ведерников, руководитель спецсеминара по «Капиталу», и Михаил Максимович Соколов, руководитель моей дипломной работы, и Григорий Григорьевич Котов, первый профессиональный наставник, учивший меня экономическому и социологическому ремеслу, и главный учитель – Владимир Григорьевич Венжер, к научной школе которого я принадлежала.

И второе. Когда я проработала в московском Институте экономики 12 лет, я начала задыхаться. Институт был академическим, близким к ЦК КПСС, чуть ли не через улицу перейти. Был очень жесткий контроль. И я была в секторе политэкономии у Кронрода. Его лично я необыкновенно уважала, но что тогда была за политэкономия?! Она была лживой и вообще не была наукой, так как не отражала действительности. Просто была какая-то тоска.

И в это время мне вдруг приходит предложение переехать в новосибирский Академгородок. И появляется Аганбегян, и появляется свобода. А в 1966 г., уже из Новосибирска, я еду на VI Международный социологический конгресс в Эвиан, узнаю, что существует на свете наука **социология**, которая мне представляется необыкновенно интересной, намного более интересной и гораздо более широкой, чем экономика. Это про человека как общественное существо – не физиология, не анатомия и не «чистая экономика», где этот человек только считает деньги. Мне показалось, что это моя наука, которая создана для меня, как и я для нее. Но ее просто не было

в те времена. Когда я училась в МГУ, такой науки в Союзе не было, а тут я вдруг ее получила. Это было настоящим счастьем.

Очень большое влияние на мою судьбу оказало и избрание в Академию наук. Звания и членкора, и академика были, конечно, присвоены мне в лучшем случае авансом. Что такое член-корреспондент Академии наук? Это рукой не достанешь, не говоря уж об академике. А мне был тогда 41 год (сейчас молодыми считаются членкоры до 55 лет). Этот подарок судьбы я получила не совсем даром, он был связан с впечатлением от моей докторской диссертации. Во-первых, она вообще имела большой отзвук в науке. А во-вторых, она произвела очень сильное впечатление на Аганбегяна, который присутствовал на защите. На банкете он мне сказал: «Через три года будешь членкором!» Я засмеялась и махнула рукой, а он, оказывается, говорит серьезно. Так и случилось в конце концов.

Но почему я говорю, что членство в Академии наук оказало большое влияние на мою судьбу? Это было двойное влияние, в двух отношениях. Первое – это, конечно, расширение возможностей: понятно, что все двери открываются шире. А второе – это очень существенный рост ответственности. Эту сторону люди часто просто не осознают. Колоссально возрастает спрос с тебя: раз ты членкор или, тем более, академик, значит, должен из кожи лезть, но делать, т.е. очень интенсивно трудиться. И не просто интенсивно, а перед тобой ставят задачи, которые в другом случае не ставили бы. И ты должен эти задачи решать. Эта внешняя сила буквально тащила меня за собой, очень сильно тащила. Мне было тяжело, я задыхалась, но мне пришлось делать все более сложные вещи. А поскольку я оцениваю свою жизнь не с гедонической точки зрения, а прежде всего с точки зрения того, что удалось сделать, значит, это было на пользу. Трудно, но хорошо и полезно.

И дальше вы спрашиваете, что удалось сделать, какие были главные достижения. Во-первых, я думаю, что мои научные достижения должны оценивать другие люди, я их оценивать не хочу и не могу, – это было бы несерьезно. Во-вторых, я убеждена, что сделала практически все, что могла в данных исторических условиях. И этого для меня достаточно. Я не гений и даже не полугений. Талантливый человек – это да, давайте в этом согласимся. Так вот, тот талант, который мне был отпущен, я не зарыла в землю, а использовала почти по максимуму! Так, как только было в моих силах, в том числе и с точки зрения жизненного времени: 90% его шло на работу.

Дети, конечно, страдали от этого. Страдало культурное развитие, многое что страдало.

Правильно ли, разумно ли было так распорядиться жизнью – это совершенно другой вопрос. Просто иначе я не могла, потому что была «спроектирована» Богом для этой работы. Не случайно у меня всегда было ощущение какого-то долга. Я почему-то знала, что должна – не Аганбегяну, не институту, не Президиуму Академии наук, а просто «должна это сделать». И так на каждом отдельном шагу: **я должна** это сделать, **я должна** это сделать! То, для чего я была предназначена, мне кажется, я сделала. Здесь особых упреков у меня к себе нет. Не было такого, чтобы схалтурить где-нибудь. Вот сколько могла, столько и сделала.

Как мне кажется, главный конфликт у ученого в крупной организации и с таким высоким статусом – это конфликт между тем, что тебя движет изнутри, т.е. твоей задачей, и тем, что от тебя хотят сейчас, в какие-то конкретные сроки. Ты чувствуешь, что еще не дошел до полного понимания проблемы, а уже надо выдавать продукт. Был ли такой внутренний конфликт у вас, когда хотелось посидеть и сделать что-то важное для вас, и, может быть, это было совсем другое, а не то, что требовалось сделать согласно плановым заданиям?

Это очень интересный вопрос. Если говорить коротко: нет! Но на самом деле внутри этого «нет» очень много «да». Возьмите такой конкретный вопрос: занимаюсь я оплатой труда колхозников и полностью включена в эту проблему. Меня вызывают и говорят: «В ближайшие два года будете сопоставлять производительность труда в сельском хозяйстве в СССР и США». У меня взрыв возмущения: как это можно, мы же не пешки, чтобы передвигать нас по шахматной доске! Но раз приказывают, все равно делать надо. Сначала чуть-чуть пробовали совмещать две темы, но вскоре с головой ушли в эту «сопоставимость». Во-первых, это было интересно, во-вторых, очень обогащало, мы много узнали про американское сельское хозяйство. К тому же принципиальная борьба за правду и против правды, которая развернулась вокруг этой проблемы, тоже вошла в жизнь очень важным пунктом. Закончив «сопоставимость», я вернулась к оплате, сделала диссертацию. Трагедии не было. Да, брыкалась, не хотела – и правильно делала, потому что если бы не брыкалась, потом бы еще и еще что-нибудь навешивали...

Потом, в Академгородке Аганбегян не навязывал нам какую-то тематику, но зато ее навязывала сама жизнь. В лице то Президиума СО АН, то Новосибирского или Алтайского крайкома партии, то по каким-то другим линиям, так что в тактическом смысле я была страшно стиснута. Мне, пожалуй, и в голову не приходило, что хотелось бы делать что-то совсем другое. У меня не было выношенной идеи, которую я очень хотела бы развивать, а мне не давали бы. Потому что некогда было задуматься, чем бы я *в принципе* хотела заниматься. У меня всегда был список дел одно другого срочнее, и я в лучшем случае могла предпочесть одно из них остальным. Но в целом, если посмотреть, как шло развитие, не могу сказать, что мне лучше было бы заниматься чем-то другим, а не тем, чем я занималась.

Еще я бы, может быть, отметила, чем принципиально отличались наши исследования от той социологии, которая была в Москве. Первая исходная точка этого отличия – философское *или* экономическое «происхождение». Мы, новосибирцы, почти все были экономистами, только Р.В. Рывкина – философом. Вторая исходная точка – это Сибирь и Сибирское отделение Академии, созданное в целях помощи освоению Сибири. Речь идет не столько о географическом размещении, сколько о наличии конкретного быстро развивающегося объекта и предмета исследования. Поэтому большинство наших исследований шло от анализа сущности, структуры и современного состояния социального объекта к поиску путей изменения, улучшения этого состояния.

У нас в отделе, по-моему, не было ни одного исследования, которое стимулировалось бы каким-то разрывом в существующей социологической теории. Типа того, что хорошая теория у Вебера, но вот это у него не согласуется, так давайте покажем, что это внешняя рассогласованность, а на самом деле противоречия нет. У нас такого рода исследований совсем не было. К каким-то теоретическим заключениям мы, как правило, шли снизу, от конкретных исследований.

Ну, например, возьмем знаменитое исследование миграции. За мной была записана тема «Миграция сельского населения в города», и я должна была сделать анкету, совершенно не зная этого процесса. Начинаю читать литературу по миграции, думать о том, какие там проблемы, что там можно вообще решать, как структурировать предмет исследования, какие внешние факторы влияют на миграцию, как она управляется. И на этой базе делается анкета, проводится обследование. Дальше надо описывать резуль-

таты, но сначала обосновать методологию (уже со знанием результатов). Обычно в наших сборниках методологические разделы оказывались на ступеньку выше конкретно-аналитических, потому что они писались *post factum*. А читатель думал, что мы сперва разработали методологию, а потом ее реализовали. Мы шли прежде всего от социальных проблем жизни – гораздо больше, чем от теории. А потом сводили какие-то счета с теорией, в значительной мере – свои собственные.

Можно ли сейчас сделать какие-либо заключения относительно влияния ваших исследований на социально-экономическое развитие страны?

Я не политический деятель, а ученый. Мое занятие – расширение человеческих знаний. В этом направлении я что-то действительно сделала. Влиять же на ход истории – дело крупных политиков. Когда я думаю о России, то ощущаю себя прежде всего ее малой частичкой или «тонким колоском», как поется в песне. Мне трудно вообразить себя внешней силой, влияющей на ее судьбу.

Но существует не частное, а признанное научной общественностью и отраженное в литературе мнение о том, что «Новосибирский манифест», в котором были изложены основные выводы из исследований новосибирской экономико-социологической школы, лег в концептуальную основу перестройки. И политический импульс сверху был подкреплен этим знанием, что значительно усилило прорыв. В этом, как мне кажется, и проявилось влияние новосибирской школы и лично ваше на ход исторических событий.

Конечно, когда здоровый, сильный и одаренный человек полностью вкладывается в какое-то дело, какой-то результат получается. Наверное, определенное историческое значение «Новосибирский манифест» имел, но его не стоит преувеличивать. Со временем история все и всех расставит по своим местам.